

О прозе Павла Кренёва

У писателя Павла Кренёва и на самом деле очень светлая проза. Даже когда он пишет о самых тяжелых периодах жизни своих поморских героев. Возьмите, к примеру, и прочтите рядом вышедшие недавно книги Павла Кренёва "Светлый-пре-

Владимир
БОНДАРЕНКО

Певец Поморья

светлый день" и Людмилы Петрушевской "Странствия по поводу смерти".

У одной, о чем бы она ни писала, получаются "дикие животные истории, жуткие поимойные рассказы", у другого – и в самых трагических случаях господствует доброе и светлое начало. Это даже не литературный стиль, а сам характер, заложенный в писателях. Конечно, если и сравнивать прозу Павла Кренёва с чьей-то иной, то никак не с Петрушевской или Битовым, а с такими же светлыми Юрием Казаковым и Владимиром Личутиным.

Вот кого надо выдвигать на "Большую книгу", а не испавшихся Пелевиных или Сорокиных. Но, видно, светлая русская, высокохудожественная проза Павла Кренёва не по зубам руководителям нынешней российской культуры. Им лишь бы Серебренниковых прославить, обеспечивая их золотым запасом.

Но всё же рискну – для большего контраста – сравнить именно эти две книги: Павла Кренёва "Светлый-пре-светлый день" и Людмилы Петрушевской "Странствия по поводу смерти".

Вот описание смерти бабушки Парасьи в повести Кренёва "Поздней осенью, на Казанскую":

"Ночью к бабушке Парасье пришел Николай Угодник. Он стоял у нее в ногах худенький, невеселый, седой старичок с добрым лицом. Стоял и тихонько ей улыбался. Парасья совсем и не испугалась.

– Это ты пришёл-то ко мне, голубежко? – спросила она его. – А я тебе и рада.

Николай ничего не сказал, а только кивал слегка головой и стал манить к себе указательным пальцем. И Парасья поняла: он пришёл за ней и зовёт к себе. Стало быть, пора помирать. Бабушка проснулась...

...Грустные мысли живут с ней рядом постоянно, Парасья невольно давно уже свылась с ними. Но вот сегодня к ней пришла радость. Это потому, что в своё последнее утро... как в далеком детстве, ласково смотрит на неё Николай Угодник, живший всю жизнь в её сердце. А ещё радостно было оттого, что Парасья твердо верила – вымолит она сегодня лучшую долю для своего заблудшего сына, призрит и возвратит его, непутевого; Господь и убережёт по заступничеству Николая Чудотворца её дорогих далеких внучек-кровинку. Не сомневалась сегодня Парасья, что будет у них счастливая жизнь. А иначе – для чего все её страдания и жертвы. Жертвой жизнь падится...

...Когда гроб лежал на поперечинах над вырытой могилой, от него исходил еле видимый тихий, туманный свет. Многие видели его и удивлялись: откуда взялось это чудное свечение?.."

А вот как нечто подобное описывает Людмила Петрушевская в рассказе "Строгая бабушка":

"У одной девочки была очень строгая бабушка, если не сказать хуже. Как-то раз девочке приснился сон, что её бабушка на самом деле злая колдунья. И мы описываем именно такой случай, что взрослая дочь и внучка оказались у такой бабушки причиной всех её бедствий, выросли ни на что не способными дармоедками, живоглотками и чулиндрами, сидящими на шее...

...Тяжелая полка сорвалась со стены, она лежала на подушках, а острым углом торчала на полу, вся разбитая, разбехавшаяся, и из полки высыпались на пол доллары, они веером валялись повсюду, на тархе, на ковре.

Бабушка торопливо кинулась их собирать, оглянувшись на Лену, что-то крикнула вроде "иди, иди отсюда" и вдруг ткнулась головой в пол, как будто поклонилась кому-то невидимому..."

В такой прозе никакого свечения явно нет, и быть не может.

Светлая проза Павла Кренёва даже противоречит его же собственному официальному биографии. Прочитав его биографию, и от его прозы ждешь нечто в духе боевиков.

Он – выпускник Суворовского военного училища, факультета журналистики Ленинградского государственного университета, окончил Высшие курсы КГБ СССР, аспирантуру Академии безопасности России, стал кандидатом юридических наук. Работал долгие годы в КГБ, дослужился до генерала, преподавал в Академии безопасности, занимался научной работой и руководил группой научных сотрудников и консультантов министерства безопасности РФ по вопросам разведки и контрразведки. Четыре года работал в администрации президента РФ в должности ку-

ратора спецслужб в Главном правовом управлении. В марте 1996 года его назначили полномочным представителем президента в Архангельской области. В этой официальной жизни Павлу Григорьевичу не удалось только поставить последнюю, высшую точку. Он участвовал в выборах главы администрации области. В первом туре выборов занял третье место (как считает сам автор, его осознанно занизили, наверху на губернатора наметили совсем другого человека), обиженный Павел на второй тур выборов не пошёл.

...И молодец, одним хорошим писателем на Руси стало больше. Не верю я, что перед губернаторами открывается дорога в большую литературу. Да и полковники госбезопасности, занимающие высокие государственные посты, как правило, в литературу не рвутся.

Как утверждают архангельские специалисты: "Имеющаяся статистика ре-

зультатов выборов показывает, что в первом туре губернаторских выборов 8 декабря 1996 года Павел Поздеев (это настоящая фамилия Кренёва, уже не псевдоним, – В.Б.) занял первое место, однако, победа была присуждена другому кандидату. Специалисты полагают, что такое решение местной избирательной комиссии было вызвано давлением со стороны региональных властных кругов, которых Поздеев обвинял в коррупции и содействии криминальным структурам. От участия во втором туре отказался..."

Отказался, потому что другая судьба была предназначена свыше нашему герою, от другой своей биографии он идёт. Официальная биография Павла Григорьевича Поздеева лежит где-то в спецархивах, а я же пишу о своём друге, северном земляке, и национальном русском писателе Павле Кренёве, родившемся в деревне Лопшеньга, на Летнем берегу Белого моря 28 октября 1950 года.

Павел Кренёв – из коренных поморов. Вот и писательский псевдоним он взял (думаю, на спецслужбе ему посоветовали не пользоваться настоящей фамилией в его литературных опытах) самый что ни на есть поморский – Кренёв.

Сам автор считает: "Отвечая на вопрос об этой фамилии, я привлек архангельское крени ("дровни"), "части ветряных мельниц") и сделал вывод: ряд примеров в истории русской лексики позволяет предположить, что существовало слово крен со значением "изгиб". М.С. Медведев указывает на недостающее звено: в архангельских говорах крень – "просолившийся бок еловой древесины в прикорневой части, отчего ствол искривлён". Такое дерево используется для дровней, ветряных мельниц. Переносное значение – "упорный, упрямый", отчество от этого прозвища и стало фамилией..."

Павел рассказывает о своих земляках так: "...Заметьте, даже от выражения "коренной помор" веет былинной крепостью, кондовостью и креновой силой..."

Их трудно обидеть, потому что народ этот не очень-то обидчивый, однако, крикну и хулителю, высказавшему ему ненароком незаслуженную ругань, лучше поскорее унести прочь свою нелепую голову.

Это хорошие и рачительные хозяева, умелые и мастеровые. Каждый помор умеет шить себе карбас, связать и наладить снасть и на своем карбасе и со своей снастью выйти в открытое море на рыбный и зверовой промысел.

Поморы – последние носители былинного, затерянного, считай полностью, древнейшего уклада Северной Руси, его самобытнейшего языка, который и не сказывался-то совсем, а выпевался в удивительной, былинной, разговорно-песенной взии народных поморских сказителей. Живущий доселе на берегах Белого моря народ каким-то чудом пронёс через все лихолетье, бесчеловечные опыты тех, кто душил и разрушал Россию "до основанья", хрустальные частицы подлинной народной культуры, языка и исторического опыта.

Слава Богу за то, что он позволил мне родиться посреди этих людей, в невероятных красотах северной природы, прямо на берегу очаровательного Белого моря. Сердце моё наполнено постоянной радостью от того, что я – плоть от плоти этого края. Тут прошло

моё, в буквальном смысле, босоноее детство. Все мои предки тоже родились здесь, на берегах нашего моря..."

Его родовое сознание оказалось сильнее, чем профессиональные чекистские навыки, по пути Юлиана Семенова он не пошёл. Зато прекрасно и естественно пишет о зверье и птицах, как о самодостаточных участниках Божественного мироздания, равных человеку. Его память напоена древнейшей культурой русского Севера. Как говорит писатель, ему не нужно ездить в этнографические экспедиции, чтобы собрать материал для своих книг. Он весь полон поморским духом, погружён в историю русского Севера. Павел построил на свои деньги в своей деревне церковь, организовал Казаковские чтения (Юрий Павлович Казаков автор книги "Поедемте в Лопшеньгу").

Может, и хорошо, что он не влился в российскую литературную братию, как правило, оплачиваемую либеральными космополитическими магнатами. Его проза демонстрирует откровенно русское национальное сознание писателя. И ему нет дела, что такая национальная проза в России в меньшинстве.

Мне же в книге рассказов и повестей Павла Кренёва "Светлый-пре-светлый день" интересен даже не столько сам автор, которого я и так хорошо знаю, сколько герои его поморской прозы: дедушко Павлин, дядя Вася, Трофим, впрочем, половина его героев это не люди, а северные звери, тюлени, глухари, лебеди, рыси... По рассказам видно, что автор не выпячивает себя и свою позицию, а загоняет внутрь, ибо его герои подчиняются не воле писателя, а идут от жизни, к тому же один герои – поморы, охотники и рыболовы, – явно враждуют с другими его героями – тюленями, лебедями, глухарями, попросту убивая их.

В рассказах о животных читатель явственно на стороне животных, и мы ненавидим Охотника, убивающего такого хорошего глухаря Пеструху, ненавидим убийцу лебеда Свана, любим тюленят Беляка и Пятнышко, спасших начинающую зверобойку Аню. Вот уж жестокий промысел: гренландские тюлени-самки никогда не бросают своих детенышей, и потому на зверобойных промыслах в добыче почти нет самцов, они, почуяв промысловиков, сразу бросаются со льда в море, остаются только самки и их детеныши. Их сало и мясо спасли в голодные военные годы от гибели и Архангельск, и другие северные города. Потому и стоит в Архангельске памятник самке гренландского тюленя.

И как совместить правду убивающей природы и правду охотников?

И вот уже в повестях и рассказах Кренёва о самих охотниках мы соглашаемся с суровой правдой жизни промысловиков. Это ведь не забавы охотников-любителей, убивающих всё живое, лишь бы прострелять, полагать, "оттянуться". А рассказы о людях, всю жизнь живущих этим суровым и тяжелым, и кровавым промыслом, это основной доход в жизни всех поморских сёл. И все эти дяди Трофимы, дяди Васи живут в прозе Павла Кренёва потому, что он их взял из реальности, из своего поморского детства.

Для нынешних либеральных интеллигентов – это все выдуманные образы, они даже не верят в их существование, но для самого писателя, как и для его читателей, – это народная северная правда. И его поморская книга – это памятник поморской жизни.

И потому Павел Кренёв – самый настоящий народный писатель. Как и его старшие северные собратья: Фёдор Абрамов, Василий Белов, Владимир Личутин... Это часть подлинно русской истинно народной литературы, которая чудом дожила до нашего времени.

Да и во всей мировой литературе именно глубоко национальные писатели определяют её развитие, демонстрируют и народный язык и народные характеры. Тот же американский писатель Торнтон Уайльдер писал, что литературный стиль и все словесные эксперименты – это нечто вторичное для писателя: "Смысл литературы есть код сердца. Стиль – лишь обиходный сосуд, в котором подаётся миру горькое питьё". Самое главное – просто рассказать о простом, дотянуться до поморского космоса, до северного природного человека.

Ещё в пятом классе, как вспоминают земляки, школьник Паша мечтал в своём сочинении, опубликованном в районной газете, что "лоси будут ходить по деревне как коровы и есть с рук хлеб, глухари начнут токовать прямо на крышах...". В жизни все произошло наоборот, и лосей стало меньше, и глухарей не выдать, и тюлени исчезают. Да и такие народные писатели, как Павел Кренёв, становятся крайне редкими в современной литературе. Они и становятся последними хранителями былинного уклада поморов! Плоть от плоти поморского края!

На снимке: Павел Кренёв и Владимир Личутин

Поэзия Сергея Донбая

У Сергея Донбая очень странный поэтический голос. Можно найти сюжеты у разных авторов, в самом общем виде похожие на его истории, но всякий раз, когда обнаруживаешь близость деталей, понимаешь, что стихи Донбая – феномен, рожденный временем, социальной средой, человеческой повадкой автора и только в последнюю очередь – литературой. И вот здесь совершенно точно возника-

"Мы путники из детства, из природы"

ет ошибка: литература участвует в его лирике властно и последовательно, но почти всегда принимает какой-то другой облик – шуточный, пустяковый, очевидно житейский, но только не серьезный, не пророческий, не заглазно доверительный.

У Донбая нет распространённого сегодня литературного судейства, он не гонится на роль строгого наблюдателя, стоящего на краю вселенной чаши и изрекающего оценки. Поэт – одновременно вне событий и внутри происходящего. И это обстоятельство скрывает классическую литературную подкладку его стихотворений и сообщает интонации поразительную самобытность.

В лирическом повествовании у Сергея Донбая постоянно проскальзывает какая-то сбивчивая присказка, что делает авторскую речь теплее, располагает читателя к рассказчику. Это доверительность сказок, а не интимность интеллигентской рефлексии.

Такая речевая походка позволяет ему удивительно легко сочетать природные движения ума с деталями приземлёнными, бытовыми, порой натуралистически точными. И попутно дописывать картину, занимающую его сердце, углубляя пространство и расширяя панораму.

*Пела свободно и жадно,
Перезабыв обо всём.
Так утопящая жажда
Ртом и лицом под дождем!*

*Песенка, веточка, птичка!
Сжат добыча кулачок.
То ли от счастья искрится,
То ли спезинкой – зрачок...*

В его стихотворениях постоянно что-то происходит, в особенности в "молодых" стихах. Прозрачное пушкинское построение фразы – подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство места или времени – помогает нам обнаружить присутствие автора везде, но "перемещается" он вполне последовательно, и потому тут не найти тесного нагромождения

ситуаций, взгляд переходит от одного к другому с удивительной естественностью.

У Донбая цепкое литературное зрение, он умеет связать мгновенные повороты бытия с предметными деталями и обнять их собственной жизнью, примирить отчуждённое и продолжить, казалось бы, оборванное.

Подобно речи Пушкина, у него соединены человек и природа, быт и эмоции – как правило, более радостные, чем печальные, и это потому,

что в них много детского.

Совсем по-детски поэт чувствует боль и заботу птиц и леса, пуга и зверья. Он вписан в природный распорядок, хотя и отодвинут от непосред-

венного контакта с ним на некоторую дистанцию как городской человек. Сказывается его интуитивная тяга к родовому, о чем он почти случайно проговаривается:

*Косогор дождя грибоного
С шумом в небель перейдёт.
Он молчалив родового
Над кладбищем не прервёт.*

Здесь наглядна человеческая взаимосвязь, но природное всеединство автор только нащупывает.

Он может простыми средствами выстроить ощущение-переживание. Причем принципиально живое Донбай создаёт только из простого. Вот почему его стихи так непосредственны и искренни, а во взгляде на окружающий мир видна наивность человека, который тут и сейчас появился внезапно – и почти неожиданно для самого себя. Он умеет изобразить или назвать привычное укрупненно и чуть-чуть остромерно, и читатель почти незаметно для себя становится с автором локоть в локоть – и вот уже

смотрит на мир его глазами.

Природное и детское живут в Донбае, не споря и помогая друг другу.

И совсем не случайно он уронил строку, которая говорит о нем почти всё:

Вячеслав
ЛЮТЫЙ

*Мы путники из детства,
из природы.*

*Она нас – не случайно,
в своей черёд*

*Сквозь тяжкие сибирские сугробы
Как первенец-подснежник*

продохнёт.

Донбай – поэт на редкость традиционный, свободный или белый стих у него выглядит недосказанным, поскольку подробности сюжета не связываются музыкой и созерцаются более умом, нежели душой. Между тем, речь Пушкина в переводе из Катупла или в "Маленьких трагедиях" более чем убедительна для привычной рифмованной русской лирики. Великий литературный пример подталкивает Донбая к несвойственному для него, но общепринятому в литературе стилистическим шагам. Так проявляется его верность цеховому братству, а самое убедительное подтверждение этому мы найдём в стихотворении "О Пушкине":

*Целуй, целуй его, Наташа,
Певца с кудрявой головой!
Он непокорный, молодой,
Он здесь, он рядом, он посажен
До смерти на цепи златой.*

Почти с домашней теплотой он обращается к Наталье Гончаровой, и его голос созвучен голосу нашего гения. Донбай чувствует надмирное значение художественного слова. Когда в его лирической истории поэт в порыве отчаяния сжигает собственную рукопись, освобождаются роковые силы и вдалеке вспыхивает совсем другой пожар.

*И стала ночь помощницей озня,
Она его, как дерево, растила.*

Так литература, словно некий организующий принцип, которому послушны сердце и разум, выстраивает словесную вселенную Сергея Донбая. А затем как бы прерывается, переходит в подводное течение и насыщает животной влагой все ростки жизни, которые под пером поэта обретают удивительный цвет и поразительную форму.

Литература и воспитание

В наше деидеологизированное время воспитание подрастающего поколения ведётся через американолоподобный телевизор, через витающий в воздухе рыночный дух да через уставы Минобра на "успешность". Вопросы духовно-нравственного воспитания с повестки сняты, поэтому если что-то и возникает на общем удручающе бес-

Михаил
ТАРКОВСКИЙ

Библиотека "Мудрые дети"

ховном фоне, то только по инициативе отдельных подвижников. Видимо сейчас их пора.

Хочу поделиться примером опыта духовно-нравственного воспитания, программу которого воплощает в жизнь наш ближайший сосед и соратник, писатель из Новосибирска Николай Александрович Александров: "Сейчас страшно размыты нравственные берега. Библиотека "Мудрые дети" это попытка возродить традицию семейного чтения. Это совместное обсуждение нравственных вопросов, на которые можно найти ответ только в диалоге поколений. Программа, процитирую, призвана побудить ребёнка к осмысленному отношению к себе и к тому, чтобы укрепить внутрисемейный мир и породить семейное сотворчество в познании нравственного и поведенческого эталона гражданина и патриота России. Кроме того это попытка сгладить противоречие между школой и семьёй, которое очень часто сеет раздор в душе ребёнка".

Литературная основа "Мудрых детей" – это короткие рассказы, после каждого из которых в разделе "Думаем вместе" помещены размышления на тему рассказа, а в разделе "В помощь учителям и родителям" – вопросы, рекомендуемые к обсуждению с детьми.

Вот, к примеру небольшой отрывок из такого рода рассказа:

"К чтению книг, стоящих в стороне от школьной программы, я обратился довольно поздно, только в четвёртом классе впервые посетил школьную библиотеку. Каким-то чудом в моих

руках оказалась удивительная сказка Петра Ершова "Конёк-Горбунчик". Читал я её беспощадно, неторопливо и с наслаждением до пятого класса. Потом библиотекари выловили меня и принудили сдать полюбившуюся книгу. Я с большим волнением отдал своего "Горбуна" и взамен получил повесть Михаила Михеева "Тайна Белого пятна". Эту книгу я тоже читал долго и основательно, но когда я всё-таки добрался до библиотеки, чтобы вернуть замусоленный томик, меня любезно спросили, понравилась ли мне приключенческая фантастика. Сам вопрос содержал в себе ядро разрушительной силы, я вдруг понял, что все полюбившиеся герои и удиви-

Библиотека "Мудрые дети"

тельные события – плод фантазии автора! Я решительно и едва ли не в слезах покинул пределы библиотеки, – растерянный и ошеломлённый, – но в полном и окончательном убеждении более никогда не переступать порога лжи и детства.

Но читать всё-таки хотелось, и я побрёл в библиотеку Медицинского института, которая находилась в нето-

ропильной близости от моего дома, полагая, что именно в этих стенах я обрету истину, беспощадную, как диагноз, и учение, белоснежное, как врачебный халат. Преодолевая неловкость и смущение, я смело и даже уверенно положил на высокомерную библиотечную стойку свидетельство о рождении и заявил, что хочу записаться в ряды добровольных читателей".

За март-апрель 2017 года Александров провел 35 семинаров во всех районах и многих городах Новосибирской области, охватив ещё и Кузбасс. Конференции, встречи с учащимися и студентами, семинары с учителями. За этот год запланировано семь конференций по "Мудрым детям" в педагогических колледжах области. Ещё Александров проводит видеоконференции в Облщце: это когда вся область смотрит, сидя у себя в управлениях образования на местах, а Николай Александрович выступает перед залом и камерой в Облщце, и получается диалог на всю область. Педагогические колледжи (их в области семь) ввели в учебный план работу по методике "Мудрых детей" при подготовке учителей младших классов. Спецкурсы по "Мудрым детям" в педагогическом университете начнутся с февраля 2018 года.

На "Мудрых детей" Александрова вывела его книга "Тайна счастливой жизни" (*Санкт-Петербургское издательство "Русская симфония"*) вошло на неё после рассылки рассказов из этой книги по журналам. Александров передал в "Русскую симфонию" рукопись "Тайны", издатели спросили разрешения отдать её в Патриархию

на предмет получения благословения Алексия, но после экспертизы благословение дал Омский архиепископ, который в Патриархии отвечал за учебные программы. "Русская симфония" издавала книгу несколько раз, распространяла и через магазины, и через иконные лавки. С той поры Александров переработал "Тайну" и, как он выразился, "всю назидательность оттуда выкинул". Некоторые рассказы из

переработанной "Тайны" вошли в "Мудрых детей", некоторые рассказы написаны заново. И теперь, по словам автора, "Мудрые дети" по-настоящему "русские и честные", и главное, в них "нет ортодоксальной религиозности, ортодоксального коммунизма и ортодоксального либерализма, а есть здравый смысл, любовь и нравственная свобода самостоятельного познания традиции".

Из речи на открытии книжной ярмарки в столице Сербии

Уважаемые дамы и господа!

Для меня большая честь открывать книжную ярмарку здесь в Банья Луке, столице республики Сербской, где 140 лет назад родился великий сербский писатель Петар Кочич, чей язык жив и сейчас, продолжая жить в книге.

В чем особенность и странность существования книги в эпоху массовой репродукции речи?

Во времена, которые мы не стесняемся именовать дикими, времена устной речи, когда её ареал распространения ограничивался пределом слышимости звука, самой важной персональ был колдун, слово которого усиливало звуками бубна и погремушек. – жест и танец был важнее слова. С появлением письменности важными фигурами стали жрец, хранитель тайн языка, и писец, способный записать уст-

ную речь. Наконец, появилась книга и печать, с открытием подвижного шрифта бумаги и типографского сплава; книга породила школу, создающую класс, способный понять и купить книгу; появился учитель и ученый, хранитель

Прикосновение стокрылого ангела

книжной науки.

С появлением средств массовой коммуникации: радио, кино, телевидения, речь снова стала сливаться с жестом, артист и диктор стали важнее учителя и ученого.

С появлением интернета устная речь стала снова играть роль письменной, со всеми ее грамматическими и орфографическими ошибками; место жреца, учителя и артиста снова вернулось к колдуну, причем к коллективному колдуну, к общинам, который делает с речью всё, что хочет, но уже не превращая её в священную или ученую. Каждый может играть роль колдуна в пространстве интернета, умножая уже не познание с его печалью, а умножая

собственное незнание, сопряженное с неопределенной веселостью.

Главной печалью этого времени стали сами события, известия о которых приходят к нам со скоростью, опережающей сами события.

Эту печаль непременно перевешивает столь же быстрое и своевременное ликование рекламы, призывающей нас приобретать не всегда нужные вещи и заниматься не всегда достойными делами.

И тут нас спасает и возвышает над суетой книга.

По учению академика Юрия Владимировича Рождественского с появлением письменности усиливается влияние устной речи, с появлением печати развивается эпистолярный жанр, ученая переписка, расцветает искусство перевода.

Каждый новый материал, новая фактура речи усиливает и умножает предыдущие.

прикосновение стокрылого ангела

разговор рыб ставший слышимым птицам

Итак, книга ещё и крылата! Книга остается вещью она может быть даром, её можно передать по наследству, её можно украсть, но нельзя уничтожить, если она издается, у нее есть история и она сама творит историю.

В книгу можно войти и в ней остаться.

Книга – дом

из одних дверей –

бесконечно –

открытые,

открытые,

открытые...

Я поздравляю вас с открытием книжной ярмарки в Банье Луке!

Вячеслав КУПРИЯНОВ

От редакции: информация о награждении Вячеслава Куприянова литературной премией Сербии читайте на стр.2.